

Дмитрий Колодан

Круги на воде

Часть сборника
Жизнь чудовищ (сборник)

Дмитрий Колодан

Круги на воде

«Автор»

2007

Колодан Д. Г.

Круги на воде / Д. Г. Колодан — «Автор», 2007

«Часы остановились в 05:53. Заметил я это не сразу. Я удил рыбу под железнодорожным мостом в Ла-Коста, а когда смотришь на поплавок, время течет по иным законам. Над рекой поднялся такой туман, что о привычном беге секунд можно было забыть. Над водой клубился пар, густой, как взбитые сливки; с прибрежных болот ползли серые лохмотья. В тумане чудилось движение: кривились огромные лица, тянулись изломанные руки, в миг вырастали и исчезали фантастические деревья... Сюрреалистический театр бледных теней. Совсем не страшно, скорее неуютно и тоскливо. Наверное, подобное чувство испытываешь при встрече привидением. Время вязнет, как в патоке: пять минут или час – разница не заметна...»

© Колодан Д. Г., 2007

© Автор, 2007

Дмитрий Колодан

Круги на воде

Часы остановились в 05:53. Заметил я это не сразу. Я удил рыбу под железнодорожным мостом в Ла-Коста, а когда смотришь на поплавок, время течет по иным законам. Над рекой поднялся такой туман, что о привычном беге секунд можно было забыть. Над водой клубился пар, густой, как взбитые сливки; с прибрежных болот ползли серые лохмотья. В тумане чудилось движение: кривились огромные лица, тянулись изломанные руки, в миг вырастали и исчезали фантастические деревья... Сюрреалистический театр бледных теней. Совсем не страшно, скорее неуютно и тоскливо. Наверное, подобное чувство испытываешь при встрече привидением. Время вязнет, как в патоке: пять минут или час – разница не заметна.

Лишь когда ветер донес гудок поезда, я всполошился. Экспресс проходит по мосту каждое утро ровно в семь, но, судя по часам, он заметно опережал расписание. Спустя мгновение я сообразил, что мигающее двоеточие, призванное отсчитывать секунды, остановилось.

Поплавок вздрогнул, проплыл против течения и нырнул в темную воду. Сразу забыв про часы, я вскочил, схватившись за удочку. До сих пор я не мог похвастаться богатым уловом. В активе значилась лишь небольшая форель, сорвавшаяся с крючка пару часов назад. Проще говоря – минус одна рыба. Все шло к тому, что единственной добычей будет сильнейшая простуда: куртка отсырела до нитки и не защищала от холода.

Правда, жаловаться на отсутствие рыбы было бы нечестно. В рыжем камне, из которого сложены быки моста, сохранились четкие отпечатки ископаемых рыб – пучеглазых панцирных уродцев девонского периода. Следы истории, в пару к затертым шербинам от пуль и осколков. Во время войны мосту досталось изрядно: здесь проходила важная магистраль, и чилийцы бомбили его каждый день. Не знаю, каким чудом он уцелел.

На мост с лязгом и грохотом ворвался состав. Я неловко дернул удочку. Из темной воды появилась серебристая спина, но рыбина сразу ушла на глубину. Леска задрожала перетянутой струной, удилище выгнулось. Я отпустил зажим, и катушка закрутилась, стрекоча, будто чокнутая цикада.

Над головой громыхал поезд. Мост трясся всеми проржавевшими костями, сверху сыпалась колючая пыль. Это надолго – утром перегоняют большие составы, вагонов по сто, а то и больше. От шума рыба совсем ополоумела, заметалась из стороны в сторону, – того и гляди, спутает леску. Я принялся сматывать катушку, подводя рыбу к берегу.

Даже на мелководье вода была темной, словно крепкий чай. Дна не разглядеть, лишь отступающие волны обнажали глянцевые камни, да колыхались косматые водоросли. Поплавок болтался в воде, похожий на насмешливый ярко-красный глаз. На мгновение я разглядел лобастую голову и полукруглый плавник. Накатившая волна швырнула рыбу чуть ли не к моим ногам, захлестнув ботинки и добавив к влажной куртке насквозь промокшие носки. Но мне было не до того. Понимая, что когда волна отхлынет, мою добычу попросту смоеет, я дернул удочку вверх.

Рыба вырвалась из воды и ударилась о каменную опору моста. Я победно вскрикнул, но радость тут же сменилась досадой: новая волна, куда больше предыдущей, опять ударила по ногам. Я отпрыгнул, косясь на воду. Не ожидал я от реки подобной жадности – всего одна рыба, и ту не отдает. В ответ на мои стенания по темной глади пробежала третья волна. Я метнулся к опоре моста.

Волна настигла меня в паре шагов от каменной стены – поймала и схлынула, словно единственной ее целью было залить мои ботинки. Вот зараза! Я развернулся к реке, грозя кулаком, и замер с поднятой рукой, не веря глазам.

Река встревожилась не на пустом месте, и моя рыба была здесь совершенно ни при чем. Поднять такие волны способен только плывущий корабль, но к тому, каким он окажется, я не был готов.

Против течения плыла черная субмарина. Гул моторов растворялся в перестуке колес и грохоте опор моста, и казалось, лодка движется бесшумно. Туман пугливо расступался перед массивным носом, клубами скатываясь с округлых боков.

Прежде я видел субмарины только на картинках и не представлял, какой огромной она окажется. Возможно, туман увеличивал размеры, но все равно лодка завораживала. Похожее чувство у меня было, когда я впервые увидел в музее скелет кита. Субмарина же оказалась минимум в два раза больше морского исполина.

Одними колоссальными размерами сходство с китом не исчерпывалось. Только походила лодка не на большеголового кашалота или неуклюжего горбача, а скорее на косатку, кита-убийцу. Подобие сквозило в очертаниях корпуса и в блестящей черной шкуре. Высокая рубка смотрелась как спинной плавник. Субмарина плыла так близко, что я без труда добросил бы до нее камнем. За лоскутьями тумана терялись детали, но кое-что я разглядел отчетливо: выведенный белой краской номер – U-634, и сразу под ним рисунок отрубленной конской головы.

Удочка выпала, длинное удилище колотилось о ботинки. Я наступил на него, пока не уплыло. Протерев глаза, снова посмотрел на лодку. В тумане и не такое привидится, на месте субмарины легко мог оказаться испанский галеон или живой плезиозавр... С тем же успехом лодка могла всплыть посреди бассейна или в аквариуме Отто. Дело не в том, что река мелкая – глубины хватило бы и на более внушительный корабль. Но моей фантазии не хватает, представить судно, способное взобраться по плотине гидроэлектростанции.

Однако для галлюцинации лодка выглядела слишком реальной. Влажно блестел металл, пенилась вода, я видел чуть ли не каждую заклепку и шов. Если б не грохот поезда, наверняка услышал бы и звук работающих двигателей.

Густое облако тумана окутало лодку. Некоторое время я видел темный силуэт, скользящий за белой пеленой, но вскоре пропал и он. Остались тяжелые волны – каждая следующая меньше и меньше.

* * *

Опомнился я, когда услышал за спиной громкие всплески. С подводной лодкой я и думать забыл про свой улов. Мост еще гудел, но поезд уже перебрался на противоположный берег. Незаметно рассеялся туман.

Пошатываясь, я подошел к опоре моста. Вода в ботинках не хлюпала – плескалась. Как и пойманная рыбка в маленькой лужице. Размером не больше ладони, угловатая, глаза навывкате и какие-то пластины вместо чешуи... Не знал, что в реке водятся подобные уродцы. Намотав леску на кулак, я поднес рыбу к лицу. Та перестала трепыхаться и лишь крутилась вокруг оси. Я ткнул ее пальцем и одернул руку. По глазам рыбины, черным, словно их залили тушью, растекалась голубоватая поволока. Недолго она протянула на воздухе...

Под ложечкой неприятно защемило. Я вспомнил, где видел такую рыбину. Здесь же, под мостом, отпечатанной в камне. Быть этого не может... Доисторическая рыба на крючке – это посильнее любой подводной лодки. Я прошел вдоль каменной кладки, высматривая ближайший отпечаток. Сходство явное: очертания тела, плавников – все указывало на то, что рыбы принадлежали одной породе.

Ну и дела... Получается, я поймал живое ископаемое? Реликт девонского периода? Эта маленькая рыбка – настоящая бомба, способная взорвать научный мир. Портрет на обложке «Популярной Науки» гарантирован. Надеюсь, на латыни мое имя будет смотреться не слишком глупо.

– Мэд! Мэдисон! – крик, донесшийся сверху, вернул меня к реальности.

Оторвавшись от созерцания таинственного улова, я поднял голову и увидел высокую женщину в защитной куртке с капюшоном, с большим штативом на плече. Опираясь свободной рукой о камни, она спускалась к реке. На груди болталась тяжелая сумка с оборудованием.

– Привет, мам, – помахал я.

Из-под высоких сапог посыпались мелкие камни и рыхлые комья земли. Я помог ей спуститься и забрал треногу и сумку с фотоаппаратом.

– Рыбачишь? – спросила она, кивнув на удочку.

– Вроде того.

Рыбалку мать не особо жаловала. В списке ее увлечений защита природы стояла далеко не на последнем месте. Но вслух она никогда не упрекала ни меня, ни Отто.

– Давно здесь? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Пару часов. Работала ниже по течению. Длинная Челка водила жеребят к реке, я отсняла три пленки. Удалось сделать несколько неплохих кадров.

«Неплохих» – значит, редакция любого журнала о природе оторвет их с руками. Я не стал ее расстраивать тем, что в ближайшее время научному миру будет не до ее лошадок.

– Видела?

– Что? – удивилась она.

– Да так, – отмахнулся я.

Если б видела, то не переспрашивала. Сложно не заметить подводную лодку, но наверняка она увлеклась выстраиванием композиции и не смотрела по сторонам. С ней бывает.

Мать переехала сюда где-то года четыре назад, фотографировать мятных пони. Она хороший фотограф, и дело свое знает и любит. У нее вышло два альбома, несколько статей в журналах и настенный календарь со снимками длинногривых лошадок. Мятными этих пони прозвали за цвет шкуры. На самом деле они белые, но во влажной атмосфере прибрежных болот в шерсти заводится какая-то водоросль, потому они выглядят светло-зелеными. Редчайшие создания – в природе их осталось от силы полсотни. Мать даже основала фонд их защиты.

– Ты домой не собираешься? Завтракать пора. Сколько времени?

– Без семи... Нет, вру – не знаю. Часы остановились.

Про часы-то я совсем забыл. Я потряс рукой без особой надежды вернуть хронометр к жизни. Не будь рядом матери, зашвырнул бы подальше в воду. Но в ее присутствии не стоило так грубо вмешиваться в речную экосистему. Я понятия не имею, какой период полураспада у электронных часов.

Я смотрел леску, незаметно припрятав рыбину в кармане. Матери показывать не стал – с нее станется развернуть кампанию в защиту живых ископаемых. И первым под раздачу попаду я: на моем счету уже значится одна загубленная рыба жизнь. Лучше поговорить об этом с Отто. Он живет здесь давно, да и рыболов не в пример опытнее меня. Должен же он что-нибудь знать про этого гостя из девона?

* * *

Наш дом, двухэтажный особняк в тюдоровском стиле, стоял в паре километров от железнодорожного моста. Его построил кто-то из предков Отто в конце девятнадцатого века. Не знаю, что им двигало, когда он решил поселиться в такой глухомани. Коммивояжеры и те не рисковали сюда забираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.